

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» – М.: Омега-Л, 2014. – 135с.

4. Ямбург Е.А., «Что принесет учителю новый профессиональный стандарт педагога?» - М.: Просвещение, 2014. – 175с.

ПРОИМПЕРИАЛИЗМ ГЕГЕМОНИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ ПЕКИНА

Штанько Марина Александровна

к.ф.н.,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин ТИУЭ

г. Таганрог

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена характеристикам гегемонистской стратегии Пекина и, в частности, проимпериалистическим проявлениям в ней во второй половине XX века.

ABSTRACT

The article is devoted to the characteristics of the hegemonic strategy of Beijing and, in particular, to the pro-imperialist manifestations in it in the second half of the 20th century.

Ключевые слова: проимпериализм, гегемонизм, стратегия, политический мир.

Key words: pro-imperialism, hegemonism, strategy, political world.

Сам по себе гегемонизм является одной из разновидностей идей националистического и расового неравенства. Часто в основе гегемонизма лежат идеи религиозной исключительности, в соответствии с которой может быть установлен совершенно новый порядок, для поддержания которого могут быть использованы любые средства.

В международных отношениях гегемонизм проявляет себя, чаще всего, в форме диктатуры, которая направлена в отношении других народов или стран. Как правило, мы можем наблюдать его в условиях тоталитарного режима и, главным образом, - фашизма.

Великодержавные устремления китайских социал-шовинистов отчетливо обозначились в политике Пекина уже в конце 50-х годов. Со времени «большого скачка» и тайваньского кризиса они поочередно использовали несколько вариантов гегемонистской стратегии, каждый из которых в той или иной мере был результатом борьбы и компромиссов между различными течениями в маоизме.

Все варианты гегемонистской стратегии маоизма подчинены единой цели - провоцированию международной напряженности, созданию «великого хаоса в Поднебесной». Уже в силу только данного факта эта стратегия с самого начала фактически оказалась пронизана духом проимпериализма, причем такого проимпериализма, который более всего отвечает интересам самых реакционных и агрессивных сил мировой капиталистической системы.

Изначальный проимпериализм гегемонистской стратегии Пекина предопределен антисоциалистическими классовыми интересами китайского социал-шовинизма, антагонистическим противоречием между ним и социалистическими силами мира, которое возникло и развивалось на фоне глобального противоречия между социализмом и капитализмом, в тесном взаимодействии с ним. Демонстративный антиимпериализм в маоизме многократно

перекрывался враждебностью Пекина к силам научного социализма. Ее открытое проявление, ее чрезвычайно быстрый рост и ужесточение, многоплановые раскольнические действия маоистов в отношении этих сил нанесли ощутимый удар по единству всего фронта борьбы за социализм, демократию и мир, ослабили натиск на империализм и реакцию. [1, с.67].

До 70-х годов XX в. непримиримое противоречие маоистского социал-шовинизма с международными силами научного социализма полнее всего раскрылось во внешней политике Китая. Если проведение в жизнь реакционной мелкобуржуазно-крестьянской социальной программы маоизма привело к глубокой деформации основ социалистического базиса в КНР, то внешнеполитические идеи Мао Цзэдуна предопределили полную подмену социалистических принципов курса этой страны на международной арене великодержавием, антикоммунизмом, проимпериализмом.

Маоизм - наиболее опасная разновидность идеологии и политики современного китайского национализма. И в «левом», и в правом, и, так сказать, в смешанном вариантах маоизм есть прежде всего воинствующий мелкобуржуазный великокитайский шовинизм. И, как таковой, он, естественно, находится в тесном родстве с шовинизмом мировой монополистической буржуазии. И тому, и другому присуще стремление к региональному и глобальному гегемонизму, взгляд на войну как на самое радикальное средство осуществления гегемонистской политики. Очевидно, можно утверждать, что, помимо всего прочего, в основе агрессивности китайского шовинизма лежит мелкобуржуазно-крестьянское представление об экономическом росте страны как об исключительно экстенсивном развитии национального хозяйства на путях всемерного расширения его территориальных границ. Шовинистическая агрессивность империализма и современного китайского гегемонизма, хотя и порожденная неодинаковыми социальными и

другими причинами, объективно сближает их на почве общей вражды к международным силам. Разумеется, их сближение не могло не быть противоречивым, если учесть, что маоистский социал-шовинизм вышел на мировую арену в форме революционаризма. И хотя его экстремистский антиимпериализм объективно, по реальным последствиям внешнеполитической активности Пекина, оказался своеобразной формой косвенного проимпериализма, это не устранило недоверие правящих кругов Запада к маоизму. Только по мере перехода китайского руководства к тотальной борьбе против социалистического содружества, по мере все более явного сужения сферы реального противостояния Китая с империализмом стремление маоистского социал-шовинизма и реакции Запада к скоординированному взаимодействию стало обоюдным и вполне открытым.

Основные этапы нарастания проимпериализма в гегемонистской стратегии маоистов приходится на период конца 50-х годов, и на 60-е – 80-е годы.

На первом этапе эта стратегия сводилась к попыткам установления главенства Китая в социалистической системе и использованию какой-то части ее в качестве основного орудия воздействия на ход мирового развития в благоприятном для целей китайского социал-шовинизма направлении. Главенство хотя бы в отношении какой-то группы стран социалистической системы рассматривалось в Пекине как решающее условие для установления китайского гегемонизма в отношении всего антиимпериалистического лагеря.

«Командное положение» в мировом освободительном процессе, определяющем будущее человечества, означало бы надежное прикрытие для реакционных великодержавных замыслов маоистского социал-шовинизма. Поэтому, независимо от результатов борьбы за это «командное место», претензия на лидерство в мировом прогрессе, сделанная в конце 50-х годов, осталась неотъемлемым компонентом всех последующих вариантов гегемонистской стратегии Пекина.

В конце 50-х годов, объявив КНР самой передовой, динамичной и активной силой мирового освободительного процесса, китайское руководство сразу же попыталось спровоцировать социалистические страны, весь антиимпериалистический фронт на развязывание мировой войны. По представлениям маоистов, она должна была разрушить и уничтожить наиболее развитые и сильные государства двух противоположных социальных систем и расчистить плацдарм для последующего овладения миром со стороны китайской нации и китайского государства. [1, с.68-70].

Проимпериализм внешнеполитической стратегии Пекина проявлялся в 60-е годы уже не только косвенно, как это было в основном в конце 50-х годов. Практически с 1960 году маоисты открыли «второй фронт» борьбы против

международных социалистических и других революционных и миролюбивых. Всемирно рекламируя свой экстремистский антиимпериализм, пекинские лидеры в 60-е годы неизменно действовали параллельно с империализмом на всех важнейших участках его противоборства с мировым антиимпериалистическим фронтом. Наиболее существенным проявлением проимпериализма гегемонистской стратегии Пекина в это десятилетие было совпадение направления ее главного удара с направлением главного удара глобальной стратегии империализма. И последний, и китайские социал-шовинисты нацеливали острие своей политики на социалистическое содружество.

Поставив Китай в некое промежуточное положение между двумя социально-политическими лагерями, маоисты с начала 60-х годов, естественно, попытались найти внешнюю опору и сферу влияния именно среди промежуточной же категории стран, то есть стран зоны национально-освободительного движения.

И хотя в 60-е годы, судя по официальным декларациям Пекина, Мао Цзэдун строил долгосрочные гегемонистские расчеты на своей убежденности в возможность превратить Китай в «третий центр мира», оказывающий решающее влияние на «мировую деревню», то есть зону национально-освободительного движения и развивающихся стран, все же есть основания утверждать, что где-то в середине десятилетия часть китайского руководства усомнилась в реалистичности этих расчетов. Сам Мао Цзэдун в начале 1964 года уже не рассматривал развивающиеся страны во главе с Китаем в качестве «третьей мировой силы» (помимо СССР и США). Но если даже оставить в стороне подспудные процессы формирования очередного варианта гегемонистской стратегии китайского руководства в 60-е годы, то и официально принятый им курс «борьбы на два фронта» вполне четко показывает неуклонное возрастание проимпериализма на всех направлениях внешней политики КНР. В эти годы мобилизация маоистами союзников на международной арене все более явно проходила под знаком антисоветизма, усиления борьбы с социалистическим содружеством в целом, с международным коммунистическим движением. Преобладание антисоветских мотивов было настолько очевидным, что западные державы практически не видели в маоизме угрозы своему влиянию в Азии, Африке и Латинской Америке, где Пекин занимался исключительно подрывом позиций социалистического содружества и компартий молодых независимых стран. [1, с.73].

В середине 60-х годов, то есть в момент кульминации маоистского антиамериканизма, китайское руководство достигло негласной договоренности с Соединенными Штатами о том, что последние не нападут на Китай, несмотря на определенную помощь с его стороны Вьетнаму. Эту уступку империализму Пекин, естественно, оплатил прежде всего эскалацией вражды к

социалистическому содружеству. Кроме того, он фактически свел всю свою борьбу с империализмом к узкому участку противостояния в Индокитае, но и на данном участке делал все, чтобы укрепить доверие к себе со стороны США. В-первых, Пекин наотрез отказался выступить единым фронтом с социалистическими и другими антиимпериалистическими силами в защите Вьетнама. Во-вторых, по мере возможности маоисты мешали социалистическим странам оказывать помощь Вьетнаму и другим странам Индокитая. В-третьих, китайское руководство пыталось не допустить довести освободительную борьбу вьетнамского народа до победного конца, до создания объединенного вьетнамского государства. Можно со всей определенностью утверждать, что в ходе «культурной революции», казавшейся апогеем антиимпериалистического экстремизма и заигрывания маоистов с национально-освободительным движением, с развивающимися странами, Пекин фактически перешел к осуществлению очередного варианта своей гегемонистской стратегии, основанного уже на совершенно открытом проимпериализме.

70-е и 80-е гг. XX в. стали временем «доводки» этого варианта и его широкого практического применения правонационалистическим крылом пекинского руководства, все более оттеснявшим леваков с их иллюзией насчет возможности для Китая бороться за гегемонистские цели в основном при опоре на собственные силы и зону развивающихся стран.

Однако фундаментальный проимпериалистический компонент маоистской стратегии и в 80-е годы отнюдь не поглощал полностью ее собственно гегемонистское содержание. Открытый проимпериализм в конечном счете выступал и выступает как форма и

способ реализации гегемонистских устремлений китайского социал-шовинизма на определенном этапе. Новый вариант маоистской стратегии, обозначившийся на рубеже 70—80-х годов, уже совершенно определенно исходил из представления Пекина о возможности осуществить «великий стратегический план» Мао Цзэдуна путем фактического перехода на позиции самых экстремистских кругов империализма, все еще мечтавших решить исторический спор с социализмом на путях войны. И нельзя не признать, что в результате этого перехода под указанный чрезвычайно опасный для человечества план была подведена такая материальная и политическая основа, какой под ним никогда прежде не было. [1, с.75].

Пекин, наконец, открыто сделал ставку на взаимодействие именно с той мощной силой современного мира, которая была и остается главным источником агрессий и войн. Милитаристско-шовинистический маоистский режим в Китае логически завершил поиски окончательного варианта своей гегемонистской стратегии.

Начав с признания США в качестве своего второстепенного противника, а, следовательно, рассматривая их в основном как врага своего главного противника (то есть СССР), пекинские социал-шовинисты к концу 70-х годов уже многое сделали для практического формирования военно-политического альянса Китая с империализмом в целом. [1, с.84].

Список литературы

1. Гегемонистская политика Китая – угроза народам Азии, Африки и Латинской Америки. / Отв. Ред. М. И. Сладковский. – М.: Политиздат, 1981. – 208 с.